
А.М. Руткевич

СОМНИТЕЛЬНЫЕ БЛАГА РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (INFERIOR GOODS)

Статья поступила
в редакцию
в июне 2008 г.

Сравнение систем высшего образования в США, Западной Европе, Китае и в современной России приводит к выводу о необходимости безотлагательных реформ отечественных университетов. На основании известной теории низкокачественных благ автор делает заключение, что значительный сегмент российских вузов представляет собой либо производителей сомнительных по своему качеству услуг, либо откровенных мздоимцев, торгующих дипломами без всякого образования. В статье прослеживаются следствия описанной ситуации как для рынка труда, так и для самой системы образования.

Аннотация

Российское общество начала XXI столетия — не первое и не единственное в мире, которое сталкивается с несовершенствами системы образования и неизбежностью реформ. Немало черт нынешних учреждений высшего образования сохранилось неизменными с первой половины XIX в. Мы привыкаем к существующим институтам и начинаем считать их чем-то чуть ли не само собой разумеющимся, хотя в истории обнаруживается смена не только форм организации образовательных учреждений, но и самих идеалов знающего, образованного человека. На вопросы «Что такое знание?», «Что такое образованность?» не так просто ответить. Для этого нам пришлось бы обратиться к анализу таких понятий, как «познание», «ум», «воспитание», рассмотреть исторически существовавшие идеалы образованности. Мы являемся наследниками античной пайдеи, средневековых университетов, гуманистов эпохи Возрождения, ученых Нового времени, но живем мы сегодня, решая проблемы нашей эпохи.

Позиции
высшей школы
в современном
мире

Если оставить в стороне сложные философские умозрения относительно знания как некоего бытийного отношения между человеком и миром, равно как и важные вопросы воспитания и совершенствования будущих поколений, важнейшим критерием успешности системы образования является ее соответствие потребностям общества. Знания относятся к так называемым чистым общественным благам, однако образование не сводится к получе-

нию теоретических знаний и развитию наших познавательных способностей. Сравнительно немногие выпускники университетов становятся учеными-теоретиками; прочие получают имеющие практическое значение профессии, которые по-разному вознаграждаются. Мы живем в обществе, в котором исчезли сословные перегородки и где доступ в элиты обусловлен полученным образованием. Чванливость получившего диплом престижного университета выдает в нем человека тщеславного, малообразованного и неумного, но в то же самое время отделы кадров корпораций четко отличают те университеты, выпускники которых могут претендовать на получение места. Мы живем в мире специалистов и ценим профессионализм в условиях все нарастающего разделения труда; нам известно, что «многознание уму не научает», а «специалист подобен флюсу», но наше благополучие и наша жизнь зависят от знаний и умений профессионалов.

Все страны мира вкладывают немалые средства в образование, желая получить не только грамотных сограждан, но и умелых работников. Несмотря на значительные расходы на высшее образование и десятки миллионов студентов, HR многих корпораций даже в условиях серьезной безработицы не находят подходящих специалистов. Богатейшие страны не в состоянии подготовить нужное им число неплохо зарабатывающих врачей, инженеров и программистов. Профессора элитных университетов жалуются на явное ухудшение школьной подготовки, политики не решаются проводить реформы университетов, опасаясь вызвать студенческие бунты и потерять на выборах голоса как самих студентов, так и их родителей.

Эти проблемы возникли несколько десятилетий тому назад — студенческие волнения конца 1960-х — начала 1970-х гг. были «первым звонком»: хотя у них имелись иные поводы (вроде войны во Вьетнаме), они поставили под вопрос прежнюю модель университета. Правда, в условиях тогдашней быстро растущей экономики власть проблемы не только не решала, но и создавала новые, удовлетворяя все возраставшие требования. Именно в то время европейские страны под лозунгом «демократизации образования» начали разрушать прежнее гимназическое (лицейское) образование и пропускать в университет тех, кто не в состоянии освоить курс ни одного факультета. В условиях роста безработицы в последующие десятилетия привлечь молодежь в университеты представлялось европейским правительствам удачным выходом: не нужно платить пособие по безработице, да еще чему-нибудь научатся. Последствия не заставили себя ждать: в переполненных аудиториях все меньше становилась доля тех, кто способен учиться. Сегодняшние трудности европейских университетов есть следствие того, что на протяжении нескольких десятилетий проблемы накапливались и не решались.

Однако демократизация образования была не только удобным демагогическим лозунгом — шансы на высшее образование появились сегодня у выходцев из тех социальных групп, которые

ранее не могли о нем и мечтать, а экономика постиндустриального общества нуждается во все большем числе хорошо образованных работников. На протяжении всего XIX в. и вплоть до Первой мировой войны гимназии заканчивали 3–4% численности поколения, а в университет поступал примерно 1%. Конечно, некоторое число детей крестьян и рабочих оказывалось в европейских университетах, но чаще всего единственным их шансом был теологический факультет: церковь, как и в Средние века, нуждалась в выходцах из бедняков и финансировала обучение наиболее талантливых. Сравнительно небольшой процент учился в реальных и коммерческих училищах, все прочие довольствовались начальным образованием. В период между мировыми войнами доля получающих высшее образование несколько увеличилась, но полное среднее образование оставалось практически недоступным для большинства. Марксисты были не так уж далеки от истины, когда говорили о «привилегии на образование» для богатых. Быстрые перемены в Западной Европе стали происходить только после Второй мировой войны, но к моменту реформ начала 1970-х гг. полную среднюю школу (гимназию или аналогичные ей учреждения) заканчивали в Европе 12–15% школьников. Примерно столько же оказывалось и студентов университетов.

Уменьшение требований в средней школе и бурный рост числа студентов находятся в очевидной корреляции. Ни американская, ни советская школы не были затронуты этим процессом по той простой причине, что гимназическое образование в Америке не получило широкого распространения, а в России отказ от него произошел сразу после революции. Разумеется, некоторое число российских и американских школ давали серьезную подготовку, в чем-то превосходящую гимназию или реальную школу в Европе (скажем, российские математические школы); но в целом их уровень был куда более низким. А вот заканчивало десятилетку несравненно большее число выпускников, которые становились квалифицированными рабочими (да еще и грамотными солдатами и сержантами, достаточно знающими физику, чтобы управляться с техникой). Очевидно, что гимназия была наследием сословного общества: «третье сословие» нашло в ней способ отгородиться от «четвертого». Поэтому лозунг «демократизации образования» звучал чаще всего в устах европейских социал-демократов, но находил отклик у крупного бизнеса, которому требовались не учившие наизусть Гомера и Вергилия в оригинале, а техники и клерки. Правда, если в СССР никто не спрашивал у школьников, хотят они или не хотят в большом объеме проходить математику и естественные науки, в Европе большинство избирало гуманитарные классы — только далеко не на уровне прежней гимназии.

Более 20 лет тому назад меня привело в изумление то, что в одном лишь Тулузском университете училось больше философов и психологов, чем во всем тогдашнем СССР (а и тех, и других было втрое меньше, чем филологов и историков). Глядя сегодня на университет «Париж-Х», где на тех же факультетах (с добавлением

социологии) учатся десятки тысяч молодых людей, зачастую едва умеющих читать и писать по-французски, можно понять, почему любая попытка реформ порождает угрозу бунта. Иждивенцы всегда готовы отстаивать свое право на безделье. Идеалы Вильгельма фон Гумбольдта святы, но на них ссылаются те молодые люди, которые в среднем учатся в немецких университетах более 10 лет. При этом цена обучения каждого студента за год превышает годовые доходы среднестатистического немецкого рабочего.

В Западной Европе Болонский процесс встречал ожесточенное сопротивление тех, кто по тем или иным причинам заинтересован в сохранении нынешней системы. Вряд ли ее можно охарактеризовать как демократичную и социально справедливую. Дети рабочих по-прежнему не рвутся в университеты и сразу после школы начинают работать, платить налоги. На их средства дети из среднего и низшего среднего класса десятилетиями «ищут себя» или (изредка) всерьез учатся, но тем дисциплинам, которые совершенно не требуются европейской экономике. Естественнаучные факультеты европейских университетов получают студентов с крайне низким уровнем математической подготовки, преподаватели гуманитарии в Германии и во Франции должны учить тех, кто не только не читал Гете или Бальзака, но даже никогда не слышал этих имен.

Переход на «4+2» в Европе был связан не только с утратой конкурентоспособности и потребностью в унификации, но также и с тем, что национальные системы образования в той или иной степени показали свою несостоятельность. Болонские соглашения были итогом компромисса либералов и социалистов; общим было понимание того, что при сохранении массового бесплатного высшего образования следует разделить огромный поток тех, кому достаточно 4-летнего бакалавриата (чему-то научился за счет сограждан — изволь приступить к труду), и меньшинство будущих высококвалифицированных специалистов, к которым следует предъявлять куда более серьезные требования. Магистратура остается бесплатной, но в нее идут те, кто способен учиться. Это — примерно 20% численности поколения; несколько десятилетий тому назад именно этот процент выпускников школы шел учиться в университеты.

В США массовое высшее образование существует уже долгое время, но значительную часть студентов составляют те, кто учится в 2-летних колледжах (community college), подготовка в которых сравнима с уровнем наших техникумов (то же самое можно сказать и о многих 4-летних колледжах). В условиях, когда практически все высшее образование является платным, вмешательство государства отчасти восполняет «провалы рынка». Преобладание платного образования в США ведет к уменьшению вертикальной мобильности, но для талантливых студентов там имеется огромное количество разного рода стипендий и фондов. Не пресловутая американская практичность, а требования рынка и платность образования способствуют тому, что в США нет массы «безбилетни-

ков», которые ведут праздное существование в европейских университетах. Известно, что лишь 15% выпускников бакалавриата в США продолжают обучение в магистратуре, а из магистров только шестая часть пишет докторские диссертации. Хотя американские университеты занимают верхние позиции во всех рейтингах, средний уровень подготовки американских студентов является невысоким. Но тот, кто окончил 2-летний или 4-летний колледж, чаще всего хорошо знает, для чего он учился, на какое место может претендовать, сколько денег ему потребуется для завершения магистратуры и к какому росту дохода приведет более высокая квалификация. Конечно, по известным «политкорректным» квотам на некоторые факультеты поступает изрядное число слабых студентов, но оно несравнимо меньше, чем количество «безбилетников» в Германии или во Франции.

Вряд ли стоит идеализировать американскую систему высшего образования. Она не может служить образцом для других стран мира. Ни Западная Европа, ни Россия никогда не пойдут на приватизацию своих университетов и не перейдут к исключительно рыночному регулированию. Даже абстрактная постановка вопроса о приватизации Ecole Normale или Humboldt-Universitat, МГУ или МИФИ вызывает не столько возражения, сколько смех. У нас другие традиции, этим все сказано. К тому же рынок не всегда срабатывает — те же американцы широко используют массовую brain drain, поскольку не в состоянии готовить необходимое число специалистов в тех областях, где усилия не соответствуют будущей оплате труда. Однако очевидно и то, что сотня лучших американских университетов дает основательную подготовку мотивированным учиться студентам. В них работают лучшие ученые, у которых есть чему научиться магистрам и докторантам. Многие, казалось бы, захолустные университеты располагают прекрасными лабораториями, ведут прикладные научные исследования и обучают этому студентов. Понятно, что в условиях платного образования и жесткой конкуренции американцам практически неведома коррупция в сфере образования.

Американцев ничуть не пугает то, что поступление в университеты происходит на основании тестов, аналогичных нашему ЕГЭ. Всякому университетскому преподавателю понятны недостатки тестов, но они достаточны для того, чтобы отделить тех, кто способен учиться, от тех, кто в школе не открывал учебника. В условиях, когда уровень подготовки в средней школе является невысоким, тесты помогают отбирать достойных, в том числе и из тех школ, большинство выпускников которых малограмотны.

Кстати, система тестов прекрасно работает и в коммунистическом Китае. На системе высшего образования в КНР я остановлюсь чуть подробнее, поскольку она в настоящем виде возникла недавно и уже продемонстрировала свою высокую эффективность. Сравнение с Китаем поучительно в том числе и потому, что уровень кор-

Реформа
высшего
образования
в Китае

рупции в КНР также весьма высок, но система высшего образования такова, что ее это задевает в значительно меньшей степени, чем высшую школу у нас.

Руководство КНР пришло к решению о реформе среднего и высшего образования с известным запозданием, после 15 лет успешных экономических преобразований. Стоит напомнить о том, что после дюжины лет «культурной революции» система образования была в жалком состоянии. Серьезные реформы начались в 1992 г., они длились примерно десятилетие. На них не жалели средств; скажем, реальная зарплата школьных учителей выросла примерно в 4 раза. Сегодня в Китае основная масса деревенских жителей получает только начальное образование, хотя готовится переход всей страны на неполное среднее 9-летнее образование, которое пока получает примерно треть школьников. В крупных городах большинство оканчивает 12-летнюю полную среднюю школу. Далеко не все выпускники полной средней школы сразу пытаются поступать в вуз: одни показали низкие результаты по тестам, другие охотно идут в армию, в которую берут почти исключительно выпускников полной средней школы (армия в КНР формируется на добровольных началах, для выходцев из небольших городов военная служба является важным этапом «пути наверх»).

Все высшее образование в коммунистическом Китае является платным. Плата — около 400 долл. в год — с учетом средних доходов в КНР не так уж мала для многих семей. Разумеется, в частных вузах она зачастую существенно выше. Эти средства покрывают медицинскую страховку, транспортные льготы, но за общежитие приходится платить дополнительно. Мотивация китайских студентов чрезвычайно высока: только высшее образование дает многим из них возможность карьерного продвижения. В бурно развивающейся уже 30 лет стране спрос на специалистов велик; инженеров в КНР выпускается больше, чем во всех странах ЕС, вместе взятых.

Реформа образования включала в себя переход от скопированной с советской пятилетней системы на систему «бакалавр + магистр». В бакалавриате учатся 4 года, в магистратуре — 3 года. Затем следуют 3 года аспирантуры, написание кандидатской диссертации. Существует и более высокая степень доктора наук. На каждом этапе происходит отбор наиболее способных к научной и преподавательской деятельности. Оплата труда в университетах Китая является довольно высокой, а если учесть заниженный курс юаня и его покупательную способность, то вузовский доцент уже может быть причислен к среднему классу. Преподаватели довольно быстро обзаводятся неплохим жильем — квартиры продаются в рассрочку под низкий процент. Мне довелось побывать в шестикомнатной квартире шанхайского профессора филологии (не экономиста и не юриста!), расположенной на двух этажах. К увлечениям самого профессора относится покупка не самых дешевых картин, тогда как его супруга увлеченно играет на бирже. Естествен-

но, в каком-нибудь педагогическом институте в глубинке профессор будет получать менее половины того, что получает его коллега в Пекине или в Шанхае, — ему есть к чему стремиться, проводя научные исследования.

Стоит отметить и то, что коммунистическая цензура почти никак не затрагивает ученое сообщество. Любая книга Хайека или Арона переводится без купюр, даже если она содержит последовательную критику коммунистической доктрины, — важно, что она не касается «коммунизма с китайской спецификой». От оппозиционно настроенных людей можно услышать, что профессора и ученые «куплены» режимом. Даже если это так, большинство ученых аполитичны и признают, что ныне существующая власть обеспечивает единство страны и способствует экономическому росту. Власти всячески поддерживают научные исследования. Китайские ученые ездят по всему свету, выпускники школы (если им позволяют средства) отправляются учиться в США, Австралию, Западную Европу. В последние годы увеличился интерес и к российским техническим вузам. Значительная часть тех, кто получал образование за границей, возвращаются в Китай и занимают места не только в банках и фирмах, но и на преподавательской кафедре.

В КНР насчитывается примерно 3000 вузов и их филиалов (сравним с нашими 3700 на в 8 раз меньшее население). Примерно тысяча из них финансируется из центра, около тысячи получают средства из местных бюджетов провинций и городов; наконец, имеется тысяча частных вузов. Практически все частные вузы дают только степень бакалавра. Это относится и к большинству местных и даже государственных вузов. Примерно в сотне вузов концентрируется подготовка 65% магистров и 80% аспирантов. Они имеют статус исследовательских университетов и получают щедрую финансовую поддержку. Наконец, из этой сотни университетов отобраны два десятка наиболее сильных, которые в XXI столетии должны будут конкурировать с Гарвардом и Оксфордом. Они имеют особый статус, студентами их становятся только отличники, в аспирантуру высокий конкурс. Учитывая уровень вложений в науку и образование, можно предвидеть, что несколько китайских университетов быстро войдут в первые десятки международных рейтингов. Сами по себе эти рейтинги, конечно, мало что значат; важно то, что китайская система высшего образования работает на страну и становится все сильнее. Как и в США — а отчасти и в Западной Европе (в особенности в итоге реализации реформ), — в Китае примерно 20% наиболее сильных вузов концентрируют лучших ученых и студентов. В США такую конъюнктуру определяет рынок, в КНР — государственные решения. Сути дела это не меняет. Четырехлетние колледжи и институты играют важную роль в подготовке самых многообразных специалистов. Но для того чтобы существовала большая наука, для того, чтобы в этих же колледжах были качественные преподаватели, необходимы университеты национального значения и международного класса. Экономить

Спрос и предложение на рынке высшего образования в современной России

на них, конечно, можно, только это неизбежно ведет к общей деградации системы.

Огромный спрос на высшее образование в современной России связан не только с традициями некогда «самой читающей страны», но с тем простым фактом, что многие фирмы требуют высшего образования от претендентов на должности продавца или курьера. Наше среднее образование ухудшилось настолько, что эти фирмы просто не рискуют брать на работу выпускника школы. Если в Западной Европе профессора ностальгируют по выпускникам гимназий, то наш университетский преподаватель с теплотой вспоминает советскую школу. Но помимо действительного падения среднего уровня подготовки в школе сказывается то, что четверть века назад конкурс в заурядный институт был выше, чем на многие факультеты МГУ сегодня. Способные студенты «растаскиваются» огромным числом вузов, а потому средний уровень студентов кажется еще более низким, чем он есть на самом деле.

Завышенный спрос на высшее образование долгое время способствовал росту предложения: на весь СССР имелось примерно 700 высших учебных заведений (включая сотню военных вузов); сегодня в России в наличии около 3700 вузов и их филиалов, а более половины учащихся в них платят за получаемое образование. За полтора десятилетия «грюндерства» сложился рынок образовательных услуг, как и к любому другому рынку, к нему применимы понятия микроэкономики. Поэтому прослушанные в вузе курсы уместно называть услугами, а выпускники университетов, будучи неповторимыми личностями, могут рассматриваться как своего рода товар, приобретаемый фирмами и государственными учреждениями. С одной стороны, студент приобретает «товар» (или услугу) в университете; с другой стороны, сам он предстает как некий «товар», посылая резюме в ту или иную фирму.

Разумеется, большинство вузов остаются государственными, а многие профессии по-прежнему можно получить только в одном-единственном вузе страны (скажем, некоторые специальности в МФТИ или в МАИ). Иначе говоря, на этом рынке имеются монополисты по одним товарам, тогда как рынок некоторых профессий (экономистов, юристов) приближается к совершенной конкуренции — сходный по названию товар предлагается множеством независимых производителей. Только в Москве полторы сотни вузов выдают дипломы юриста, в стране получено более 1700 лицензий на преподавание экономики, более 200 — социологии и т.д. Трудно сосчитать число факультетов, на которых за 5 лет обучают «переводоведению» (в реальности — умению сносно читать и говорить по-английски). Применительно к большинству выпускников по этим специальностям спор между сторонниками «знаний» и «компетенций» бессмыслен, поскольку за 5 лет они не получают ни того, ни другого. Ничего, кроме «разрухи в головах», они и не могут получить в наскоро созданных конторах, имеющих своей целью только быстрое обогащение жуликов.

Государство в России вмешивается в экономику там, где нет никакой нужды в интервенциях, и отсутствует там, где его вмешательство является совершенно необходимым. Вместо того чтобы управлять ситуацией в областях, где рынок сам по себе не срывается, государство всячески способствовало «провалам рынка». Не финансируя науку и образование в должном объеме, оно предоставило институтам и вузам возможность «выкручиваться». Именно поэтому (а не только по корыстным мотивам) чиновники от имени государства выдавали инженерным и педагогическим вузам лицензии на обучение экономике, праву и менеджменту. В большинстве вузов это сопровождалось деградацией профильного образования. Хорошо подготовленные физики и инженеры не были нужны экономике, на многие специальности поступали либо для того, чтобы эмигрировать сразу после получения диплома, либо для обзаведения какой бы то ни было «корочкой», свидетельствующей о высшем образовании.

Сегодня мы уже преодолели тот «переходный период», который требовал заполнения мест линейных менеджеров и нотариусов хотя бы скверно обученными выпускниками. Вновь востребованными становятся многие инженерные специальности, в ряде губерний оплата труда врача и учителя сопоставима с доходами в рыночном секторе. Вскоре сама вузовская система потребует замены выходящего на пенсию старшего поколения преподавателей. Уровень подготовки тех, кто получал образование в последние 15 лет и не уехал за границу, является в среднем куда более низким, чем у тех, кто им преподавал (а его тоже не стоит считать образцовым). Если взять для примера физический или исторический факультет провинциального университета, очевидно, что поступали на них в последние 15 лет без всякого конкурса те, кто не мог учиться на платном отделении экономики и менеджменту. Они прекрасно представляли себе ничтожные перспективы получения сносно вознаграждаемой работы, а потому учились спустя рукава — зачем надрываться и учить квантовую физику, если она никогда тебе не пригодится? В этих условиях у немалого числа живущих за чертой бедности преподавателей возникало искушение продавать по скромной цене свою положительную оценку в зачетке: коррупция такого рода (судя по проводившемуся опросу студентов) затронула примерно треть российских вузов.

Большинство выпускников государственных вузов не имеют должной теоретической подготовки, не получили той специальности, по которой будут работать. Фактически они получили просто бумажку, свидетельствующую о том, что они на протяжении 5 лет пребывали в образовательном учреждении. В сравнении с теми, кто просто купил диплом, они, конечно, выигрывают, а потому их скорее примут на работу. Только затраты и государства, и семей студентов были совершенно нерациональными. В целом система высшего образования не работает на страну, хуже того, она отвлекает от производительного труда немалую часть молодежи в усло-

виях, когда с ростом экономики возникло немалое количество хорошо оплачиваемых рабочих мест для слесарей, сварщиков, шоферов, строителей. Заполнить их все иммигрантами из Китая или бывших республик СССР явно не получится.

Число бюджетных мест по некоторым специальностям можно сократить в несколько раз, избавившись от «симулякров». Когда государственные вузы за счет налогоплательщика готовят будущих учителей или врачей, это всем понятно. На рынок нельзя полагаться, когда речь идет о подготовке по теоретической физике. Но уже то, что государство выдает инженерным и педагогическим вузам лицензии на подготовку специалистов по торговле рекламными площадями или линейных менеджеров в торговле, вызывает множество вопросов. Еще больше вопросов возникает в связи с тем, что «диплом государственного образца» выдается лицам, которые получили квалификацию парикмахера или официанта в очередной «академии сервиса». Однако куда хуже то, что естественнонаучные и инженерные факультеты ежегодно выпускают сотню тысяч людей, не получивших необходимых знаний и умений. Как это нередко случается, государство занижает цены на продукцию своих предприятий, перекладывая убытки на плечи налогоплательщиков. Скверно оплачиваемые и подрабатывающие в 3–4 местах доценты, переполненные и разваливающиеся общежития, не пополнявшиеся на протяжении 20 лет библиотеки, лаборатории без новой техники и препаратов — все это реальность большинства вузов. Они производят «товар» широкого ассортимента, но низкого качества.

Государство могло бы совершенно спокойно сбросить со своего кошта те образовательные учреждения, которые, числясь государственными, уже лет десять функционируют как платные и конкурируют друг с другом. Будущие менеджеры и банковские клерки будут получать намного больше тех, кто сегодня оплачивает их образование из своего кошелька. В принципе, почти все экономическое и юридическое образование могло бы стать платным. Желающие всерьез учиться возьмут льготный кредит в банке. Если государству нужны экономисты, юристы, журналисты, то оно может давать кредиты тем, кто не пойдет работать в банк или на частный канал телевидения, а станет ученым-правоведом или государственным служащим. Зато сэкономленные средства могли бы пойти на основательную подготовку врачей, учителей, математиков и биологов, с подготовкой которых рынок не справится.

Практически все информированные люди согласны с тем, что сегодняшняя ситуация на рынке труда является критической. Фирмы испытывают нехватку квалифицированных кадров в условиях, когда доля студентов в обществе (около 500 на 10 000 человек) бьет все рекорды. ПТУ не готовят необходимых квалифицированных рабочих, техникумы выпускают тех, кто тут же поступает в университеты и не учится инженерному делу, а получает юридическую и экономическую подготовку сомнительного качества. Не

только подавляющее большинство выпускников пединститутов, но и более половины медиков не работают по полученной специальности. Система образования постепенно становится очевидным тормозом развития промышленности: о каком переходе к инновационной экономике может идти речь в условиях, когда в вузы идут учиться только для того, чтобы получить «корочку»? При столь массовом выпуске дипломированных специалистов не воспроизводится научное сообщество — при невероятно большом числе аспирантов уровень кандидатских диссертаций падает, защищает диссертации меньшинство (о коррупции в этой сфере тоже хорошо всем известно).

Хотя коррупция в сфере образования вряд ли превышает ее уровень в некоторых других областях, она становится серьезным препятствием на пути любых реформ. Оценка коррупционной составляющей только «на входе» (при поступлении в вуз) в 1,5 млрд долл. вряд ли является завышенной. Появился слой людей, чье благосостояние зависит именно от сохранения неэффективной и продажной системы образования, идет ли речь о министерских чиновниках, выдающих лицензии, о ректорах и деканах, собирающих дань с родителей, или о репетиторах, которые «делятся» с членами приемных комиссий.

В экономической науке существует понятие низкокачественных благ (inferior goods). Спрос на них растет в условиях бедности: товары и услуги низкого качества вытесняют высококачественные, которые недоступны беднякам. Впервые обратил на это внимание английский экономист Роберт Гиффин, наблюдая рост спроса на картофель у ирландских бедняков во времена неурожая: молоко, мясо, масло стали недоступны по цене, и бедняки перестали их покупать. Вместе с ростом доходов спрос на inferior goods падает, причем спрос тем меньше, чем ниже на них цена. Этим они отличаются от товаров высококачественных, которые приобретаются тем больше, чем ниже на них цена.

В России 1990-х гг. мы видели именно такую ситуацию: на рынок высококачественных товаров и услуг (скажем, медицинских) выходил ничтожный процент покупателей. Все прочие потребляли inferior goods. Это относилось и к сфере образования. При формальном сохранении бесплатного среднего и высшего образования в действительности резко росла платная составляющая, включая государственные школы и вузы. Но рост числа вузов шел при явном ухудшении качества предлагаемых услуг.

За последние 4–5 лет рост доходов привел к еще большему социальному расслоению. Число нищих уменьшилось, процент бедных остается очень высоким. Инфляции у нас способствует то, что бедные (в отличие от нищих) все же покупают качественные продукты питания и лекарства, но еще не в состоянии тратить деньги на товары длительного пользования. Это ведет к быстрому росту цен на продукты питания. Тем не менее средний класс существ-

Образование
из разряда
inferior goods

венно вырос (правда, низший средний класс), в стране наблюдается потребительский бум. На рынок платного образования вышли несколько миллионов потенциальных потребителей. Так как рост доходов переключает спрос потребителей на товары лучшего качества, вузы, предлагающие низкокачественное образование по низким ценам, оказываются в трудном положении. Они не могут конкурировать, даже если держат цены на низком уровне: чем меньше цена на такой товар, тем ниже спрос. Казалось бы, сам рынок приведет к вытеснению производителей услуг низкого качества.

Однако на рынке сохраняются ниши для товаров низкого качества, которые продаются по ценам ниже себестоимости, не соответствуют никаким стандартам, выпускаются в подпольных цехах. «Паленую» водку, ворованные программы и фильмы продолжают покупать даже при низких ценах легальных производителей. Значительную часть сегодняшних учреждений высшего образования можно сравнить с такими производителями и продавцами «паленой» водки; в ближайшие годы они будут продолжать предлагать свои услуги. С учетом того что число выпускников средней школы будет еще несколько лет сокращаться (наложение долгого следа войны на низкую рождаемость начала 1990-х гг.), любого, даже самого слабого, выпускника школы ожидает несколько мест в российских вузах. Преподаватели вузов уже сейчас жалуются на низкий уровень школьной подготовки абитуриентов и студентов, но в ближайшие несколько лет им предстоит иметь дело даже не с малограмотными, а просто с неграмотными студентами.

Необходимость
политических
решений

Эффективность производства достигается в том случае, если ресурсы достаются тем, кто способен их наилучшим образом использовать. В бизнесе эти ресурсы получает тот, кто готов за них дороже других платить (это относится и к нанимаемым работникам). В ситуации, когда ресурсы почти равномерно «размазываются» по вузам и их филиалам, говорить об эффективности не приходится. Конечно, конкуренция между вузами существует, но она почти не способствует перераспределению ресурсов. Более того, на протяжении полутора десятилетий эти ресурсы перераспределялись в пользу тех, кто открывал не обеспеченные кадрами филиалы и новые факультеты, использовал аудиторный фонд и общезжития не по назначению. Государство в этот процесс стало вмешиваться только в самое последнее время (в рамках национального проекта по образованию), профинансировав обновление лабораторий в ряде лучших университетов, но вся сумма поддержки — 30 млрд руб. — меньше того, что тратит в год на науку один престижный американский университет.

Так как основными «орудиями труда» в вузе являются преподаватели, нельзя не отметить изношенность этих «машин». Накопленный в советские годы «символический капитал» вузовской науки был не так уж велик, но и он был бездарно растрочен. Любому

вузовскому работнику понятно, что при «горловой» нагрузке более 18–20 часов в неделю преподаватель перестает не только заниматься научными исследованиями, но и просто готовиться к лекциям. Подрабатывающие в нескольких вузах профессора и доценты стареют, молодежь ненадолго приходит на кафедры, но после нескольких лет работы уходит, не видя никаких перспектив, кроме бедности, перегрузки и общения со все менее грамотными студентами.

Так как на рынке образовательных услуг мы сталкиваемся не с совершенной, а с монополистической конкуренцией, огромную роль играет реклама; торговлю дипломами любого сорта сменила торговля брендами. Именно о ней следовало бы говорить в получившем известность случае социологического факультета МГУ, а не о предполагаемых идеологических разногласиях студентов и руководства факультета. Скорее всего, мы еще довольно долго будем наблюдать сходные явления, но масштаб выдачи дипломов за взятки будет уменьшаться, хотя дипломы ряда вузов страны будут по-прежнему цениться независимо от получаемого образования. «Эффект сноба» и «эффект Веблена» (престижное потребление) и в будущем станут возносить вверх цены на дипломы десятка московских вузов. Со сходной ситуацией мы сталкиваемся по всему миру: в Гарвард и в Стэнфорд приходит немалое число лиц, мотивируемых «нефункциональным спросом». У нас это потребители, которые не могут посылать своих детей в США и в Западную Европу, но способны оплатить обучение в любом престижном отечественном университете, даже если настоящего образования их отпрыски не получат. Эта группа все же сравнительно мала.

Хотя престижные вузы дают неплохое образование, они далеко не всегда выпускают тех, кто необходим экономике или требуется для государственной службы. Достаточно посмотреть на такой, несомненно, хороший вуз, как МГИМО, с практической точки зрения: какой процент его выпускников идет на дипломатическую службу? Кого готовят на 20 новых факультетах МГУ, открытых в последние годы? Выпускники Военной финансово-экономической академии тут же комиссуются и идут работать «на гражданку» (вспомним, что эти вузы черпают средства из кармана налогоплательщика). Небольшое число вузов, выпускники которых востребованы на рынке, также следовало бы рассматривать под этим углом зрения. Скажем, практически все СМИ у нас принадлежат крупному капиталу, а в университетах по-прежнему существуют зачастую весьма сомнительные по качеству подготовки выпускников факультеты журналистики. В большинстве стран мира подготовка журналистов и менеджеров вообще не является задачей государственных университетов — этим занимаются частные школы, дающие соответствующую дополнительную подготовку тому, кто в университете изучал филологию или экономику. Налогоплательщику вряд ли особенно понравится мысль учить за свой счет производителей рекламных роликов.

Конечно, можно сослаться на то, что у ставшего почти всеобщим высшего образования имеются позитивные внешние экстерналии. Но и это при ближайшем рассмотрении вызывает сомнения, поскольку все позитивное перевешивается тем, что молодые люди в лучшие годы своей жизни делали вид, что учатся, либо изучали дисциплины, которые им вовсе не пригодятся в профессиональной деятельности. Скорее следовало бы обратить внимание на негативные экстерналии вроде недовольства студентов и их родителей сребролюбием приемных комиссий. Пока что студенты аполитичны, их протестные выступления редки. Но движение, которое стало разворачиваться на социологическом факультете МГУ, может стать образцом для массовых выступлений, которые способны быстро политизироваться уже по той причине, что деканаты и ректораты начнут представлять социальный протест неким заговором против них «оранжевых» сил.

Переход на систему «4+2» можно считать первым шагом реформы. Пятилетняя подготовка специалиста была обоснованной в то время, когда высшее образование получали примерно 15–20% численности поколения, да еще существовала система государственного распределения. Сегодня большинство студентов не ведет, где и кем они будут работать. Если те студенты педагогических институтов, которые не намереваются идти в школу, получают звание бакалавра и обратятся к практической деятельности, тогда как в магистратуру пойдут те 20–25%, которые хотят учить детей, то выиграет все общество. Разумеется, по ряду специальностей (военные профессии, медицина, некоторые инженерные направления и т.д.) можно и нужно оставить подготовку на категорию «специалист». Но для всех прочих сокращение обучения до 4 лет означает не просто экономию средств, но и прекращение финансирования «потемкинской деревни». Учить в вузе вообще нужно тех, кто хочет и может учиться. Среди нынешних студентов таких не более половины.

Противники этой реформы часто утверждают, что четырех лет в бакалавриате недостаточно для подготовки профессионала. Они ссылаются на успешность советского опыта, забывая, что вплоть до 1970-х гг. во многих вузах было именно 4-летнее образование. Так как военные кафедры остались в небольшом числе вузов, в остальных один лишний день учебы на протяжении трех лет уже компенсирует сокращение подготовки. Подавляющему большинству тех, кто после вуза сразу приступает к работе (да еще не по своей специальности), дипломный проект чаще всего просто не нужен. Зато требования к магистерской диссертации должны быть совершенно иными, чем к нынешним дипломным работам, — магистратура должна готовить прежде всего будущих ученых (Master of sciences). Прикладные направления в магистратуре (Master of arts) могут быть в значительной степени платными. В любом случае магистратура и аспирантура должны остаться в ограниченном числе университетов.

Нам неизбежно придется совмещать бесплатное (строго говоря, бесплатным оно тоже не является — платят за него налогоплательщики) и платное образование. Несколько сотен классических университетов, ведомственных академий, инженерных, педагогических и медицинских вузов должны остаться государственными. Их финансирование должно возрасти в несколько раз. Можно было бы присмотреться к опыту Китая и отобрать некоторое число исследовательских университетов, которые будут и крупными научными центрами. Какую-то часть вузов будут содержать губернии и крупные города. Остальные должны работать в рыночных условиях.

Образование относится к тем устойчивым и инерционным институтам общества, которые очень сложно реформировать. Такие преобразования затрагивают интересы большинства граждан. Поэтому требуются политические решения на уровне верховной власти и воля к их осуществлению. Политика связана с господством, с распределением и перераспределением властных полномочий, иногда — с применением легитимного насилия. Политическое не обязательно определять вслед за К. Шмиттом как отношение «друга» и «врага», но стихией политики является борьба, в которой принимаются решения, за которые политик несет ответственность. Политику не следует путать с администрированием. Чиновник получает от политика приказ и должен его исполнить. Как отмечал М. Вебер, даже если чиновник считает приказ ошибочным, «дело чести чиновника — выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно, так, будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям: без такой в высшем смысле нравственной дисциплины и самоотверженности развалился бы весь аппарат»¹. Политика отличает от чиновника именно *личная* ответственность. Аппарат министерств и ведомств состоит из чиновников, но министр должен быть политиком, так как он получил пост от имени победившей на выборах партии или президента, входит в команду, несущую ответственность перед избирателями.

Это не всегда заметно в условиях стабильности и неизменности доставшихся от прошлого институтов: политические решения не принимаются, важно, чтобы система просто продолжала функционировать, поскольку она более или менее соответствует потребностям общества. Бывают ситуации, когда политическое решение требуется, чтобы сохранить существующее в потоке перемен, поскольку оно представляет собой несомненное благо. Очевидно, что это не относится к сегодняшней системе высшего образования. Она вступила в конфликт и с общественным мнением, и с российским бизнесом, и со стратегическими целями российского государства.

---

¹ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 666.

Политическое решение должно опираться на консенсус большинства населения, учитывать сложившиеся представления о справедливости и честности в такой сфере, как образование. Этот консенсус имеется. Большая часть населения считает, что среднее образование должно быть бесплатным для родителей, без поборов со стороны школ. Общим является и то мнение, что это образование должно быть по возможности равным. По поводу высшего образования степень согласия меньше, но и тут наблюдается консенсус относительно возможности получить бесплатное образование при наличии способностей и относительно допустимости существования частных вузов и платного образования. Ни наша Конституция, ни общественное мнение, ни здравый смысл не побуждают поддерживать систему фиктивного всеобщего высшего образования. В ее ликвидации заинтересованы не только налогоплательщики (они же избиратели), но и большая часть элит. Необходимо пожертвовать интересами той специфической элиты, которая занята поборами и «распилем» государственных средств.

Отодвигая время политического решения, мы усугубляем накопившиеся дисфункции. Это решение не всем понравится, поскольку предполагает частичную смену аппарата чиновников, перераспределение полномочий, денежных потоков. ЕГЭ и схема «4+2» встречали яростное сопротивление не столько потому, что у тестов имеется масса недостатков, а к Болонскому процессу неоднозначно относятся даже его сторонники. Основная причина сопротивления связана именно с коррупционными денежными потоками, с выгодами как получателей взяток, так и немалого числа «безбилетников». И производители, и потребители *inferior goods* встревожены возможной сменой правил игры.

Ни рыночные механизмы, ни демографический спад сами по себе не изменят сложившуюся систему. Честно работающих и квалифицированных преподавателей в вузах по-прежнему достаточно. Реформа должна начаться с существенного повышения зарплаты преподавателей и обслуживающего учебный процесс персонала, но стоит ли повышать зарплату и тем, кто в каждой зачетке находит купюру? Борьба с коррупцией на всех уровнях сама по себе тоже не даст результата. Экономическая рациональность не всегда действенна, но в данном случае она является предпосылкой всех прочих изменений. Если в сегодняшних условиях существенно увеличить финансирование вузов, эти средства будут «размазаны» по огромному числу псевдоуниверситетов, а то и просто разворованы. Как и в других областях, финансировать стоит тех, кто хорошо работает и не ворует.

Если бы речь шла о старой советской системе высшего образования (имея в виду российские вузы, а не ряд институтов в среднеазиатских республиках), то автору этих строк самому было бы жалко ее ломать и менять. Наверное, это все равно пришлось бы делать, поскольку она подходила для тогдашней экономики и сыграла свою положительную роль в рамках индустриального обще-

ства, тогда как обществу постиндустриальному она не соответствует. Но речь идет о нынешней системе, сочетающей в себе недостатки как плановой, так и рыночной экономики. Она препятствует развитию страны в целом, вытесняет лучших преподавателей и ученых, обогащает шарлатанов, плодит невежд с кандидатскими и докторскими степенями. Но наихудшим ее пороком является то, что она возвращает уже второе поколение малообразованных циников. Уже поэтому расставание с нею не вызывает ни малейших сожалений.